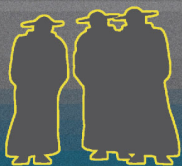

Хавьер Гарридо

Христианский
ЦЕЛИБАТ:
величие и нищета

Хавьер Гарридо

Христианский целибат.

Величие и нищета

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35731731

Христианский целибат: величие и нищета / Хавьер Гарридо:

Издательство Францисканцев; Москва; 2011

ISBN 978-5-89208-090-3

Аннотация

Книга Хавьера Гарридо, испанского священника-францисканца, направлена на то, чтобы помочь людям, избравшим путь целибата, найти ориентиры в трудных ситуациях, которые создают наше время и наш мир. Вместе с тем эта книга предлагает своего рода синтез процесса, который переживает на пути подражания Христом каждый христианин и который выходит далеко за рамки призвания к безбрачию.

Содержание

Предисловие для русского издания	6
I. Основания	13
1. Сексуальная революция	13
2. Вызов смешанного мира	25
3. Иисус	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Хавьер Гарридо Христианский целибат: величие и нищета

Название оригинала:

Javier Garrido

«Grandeza y miseria del celibate cristiano»

Editorial SAL TERRAE

Santander

1987

Издание осуществлено по инициативе и на средства Конференции старших настоятелей и настоятельниц институтов монашествующих в России (CORSUM)

Перевод: *Юлия Куркина*

Редактор: *о. Мариано Хосе Седано Сьерра SMF*

Верстка: *Андрей Львов*

© Javier Garrido Huarte-Pamplona, 1987

© НО Издательство Францисканцев, 2011

Предисловие для русского издания

Невозможно отрицать, что факт существования людей, живущих в безбрачии, всегда вызывал или восхищение, или презрение, подозрение или похвалу. В наше время, похоже, эта тема попросту не вызывает интереса; кажется, что речь идет о сугубо личном решении каких-то людей, никоим образом не влияющем на общество и окружающих. Однако случилось так, что из-за последних скандалов, выплывших на свет, вопрос о безбрачии вновь оказался в центре внимания средств информации. И хотя только близорукость может побудить напрямую связать безбрачие с гомосексуализмом – словно целибат* (*Целибат (от лат. *caelebs* – неженатый, одинокий) – отказ от супружеской жизни по религиозным мотивам, связанным с представлениями о духовном совершенстве. В христианстве целибат обычно бывает связан с обетом целомудрия или рукоположением в священный сан. – *Прим. ред.*) – сам по себе есть причина или основание для возникновения извращенного сексуального поведения, – на самом деле вопрос все-таки встал, и эта форма жизни словно вновь требует своего обоснования и оправдания перед общественным мнением. Книга, которую мы публикуем, была написана почти двадцать пять лет назад и не может стать ответом на сомнения или подозрения, которые вызывает этот вопрос сегодня. Однако нам кажется, что глубокое и серьез-

ное размышление об этой форме христианской жизни, которое предлагает автор, может много дать для беспристрастного осмысления темы, вызывающей столько страстей.

Но даже если оставить в стороне популярность этого вопроса в средствах массовой информации, для которых, надо сказать, смысл самого безбрачия не представляет никакого интереса, не анахронизм ли – продолжать сегодня говорить или писать на эту тему? Что нового можно сказать о вопросе, который как будто бы принадлежит иным временам, столь отличным от нашей эпохи, несущей на себе печать сексуальной революции, с ее культом тела и жаждой наслаждений? И даже если допустить, что такая тема может иметь смысл или вызывать любопытство, насколько она интересна людям, не идущим этим путем, свойственным, прежде всего, монашеству и духовенству латинского обряда? Не будет ли эта книга лежать мертвым грузом на библиотечных и магазинных полках?

И все же переводчики и издатели решили, что игра стоит свеч.

Автор книги писал ее отнюдь не только для католических священников и монахов. Его замысел в том, чтобы показать, что столь радикальное решение, как отказ от семьи по религиозным мотивам, затрагивает самые глубины человеческого существа и что внутренняя зрелость человека, живущего в безбрачии, невозможна, если он не научится гармонично воспринимать и проживать все, что предполагает подобный

выбор, то есть мир психоэмоциональной зрелости, внутренней свободы и духовной жизни.

Отправная точка – утверждение главенствующей роли сердца в любом человеческом замысле; центральное значение мира сердца, где царствует свобода, которая способна из любви перерасти себя и достичь полноты благодаря открытости абсолютному «Ты». А это имеет отношение к любой форме человеческого существования. Конечно, автор достоин уважения за сам факт создания такой книги, ведь говорить о celibate очень непросто. Как правило, этот аргумент бывает предметом внимания либо психологии, либо богословия. Первая, дочь «учителя сомнения» – Фрейд, использует технический язык и считает celibate чем-то совершенно чуждым человеческой природе. Большинство психологов предостерегают нас, говоря о противоестественности такого образа жизни. По сути, психология подозревает, что за подобным выбором кроются посторонние бессознательные мотивации, а стало быть, celibate несовместим с внутренней зрелостью. Что же касается католических богословов, то они, в подавляющем большинстве своем, сами живут в безбрачии, и, вероятно, поэтому склонны преподносить этот вопрос несколько в розовом свете. Они говорят о красоте и полноте христианской любви, почти не касаясь той трудной и подчас болезненной реальности, которую проживают конкретные мужчины и женщины, избравшие этот путь и воспринимающие его, конечно же, как дар, но вместе с тем и

как драму, имеющую глубокие психоэмоциональные корни, неизбежно затрагивающие и духовный план человека.

Метод этой книги – синтез различных аспектов, которые сходятся в этой теме. Она утверждает, что основа этого жизненного выбора – призывание к любви; но говорит и о психологических и эмоциональных его предпосылках. Здесь говорится о духовности, которая рождается в сердце, безоглядно отданном Богу, но при этом автор не обходит молчанием сложность и болезненность многих жизненных ситуаций, в которых оказывается верующий. Здесь говорится о евангельских истоках любви, которую человек переживает в безбрачии, и вместе с тем автор трезво видит сегодняшний мир, с его социальными и культурными изменениями, глубоко влияющими на восприятие человеческой сексуальности.

Возможен ли синтез между психологией, гуманизмом, богословием, духовной жизнью и педагогикой? Автор считает, что возможен. Более того, если его не происходит, то мы подвергаемся серьезным опасностям, избрав этот путь христианской жизни, свойственный не только священникам и монашествующим, но и многим мирянам, которые, не принимая окончательных решений и не принося обетов, фактически живут в безбрачии и желают отдать свое сердце одному Богу. Причина этих опасностей – в величии и нищете – человеческого существа, каждого из людей. Самой чистой и возвышенной любви может угрожать опасность религиозно-

го самолюбования или самообмана.

Эту книгу написал Хавьер Гарридо, почти семидесятилетний францисканец, чье духовное наставничество и труды хорошо известны испаноязычным христианам. Получив богословское и психологическое образование, он стал также глубоким знатоком христианской духовности, в частности францисканской. Он написал больше 20 работ о разных аспектах духовной жизни и богословия, о подготовке к монашеской жизни; и эта книга, которую мы сегодня предлагаем русскому читателю, – одна из самых известных. Уже много лет Хавьер Гарридо ведет довольно необычный образ жизни. Шесть месяцев в году он живет в безмолвии, молитве и готовит свои книги в совершенном, почти отшельническом уединении. Другие полгода он посвящает проведению духовных упражнений, преподаванию, чтению лекций и другим духовным, преподавательским и просветительским задачам. Этим объясняется глубина его духовной жизни и вместе с тем непосредственное знание проблем современных людей. В его книгах ощущается не просто эрудиция, но синтез жизненного и духовного опыта, размышлений, причем автор никоим образом не стремится дать на все вопросы исчерпывающий или окончательный ответ. Поэтому и стиль, и форма изложения глубоко суггестивны и приглашают читателя самому осмыслить и пройти этот путь.

В этом смысле книга предлагает своего рода синтез процесса, который переживает на пути следования за Христом

каждый христианин и который выходит далеко за рамки призвания к безбрачию, имея отношение к любой форме христианской жизни.

Эта книга рождена пастырским дарованием автора, желанием помочь людям, избравшим путь целибата и жаждущим слова, способного стать ориентиром в трудных ситуациях, которые создают наше время и наш мир. Автор стремится понять – от сферы так называемых наук о человеке (психологии, феноменологии, социологии) до области богословия и духовной жизни, – каковы корни некоторых наиболее распространенных и трудных проблем, и предложить критерии – именно критерии, а не практические рецепты и готовые ответы. Иногда его стиль может показаться жестковатым и даже провокационным, иногда – слишком лаконичным, «телеграфическим». А порой мы поражаемся, как точно и тонко, с какой, можно сказать, ослепительной простотой он способен описывать феноменологию сложнейших ситуаций. Но все страницы этой книги дышат воодушевлением и любовью к этому христианскому призванию – дару, который Дух дает множеству людей разных конфессий, желающих подражать образу жизни Иисуса из Назарета и многих Его последователей с самых первых времен христианства.

Когда я позвонил Хавьеру Гарридо, чтобы сообщить ему о нашем намерении опубликовать его книгу на русском языке, он удивился и вместе с тем очень обрадовался, сказав, что будет молиться о том, чтобы выход этой книги способ-

ствовал возрастанию добрых отношений между всеми христианами Востока и Запада, разделяющими этот дар. Может быть, он вызывает недоумение, но всегда, во все времена Дух щедро одарял им Свою Церковь, ведь он – отблеск любви Христа, полностью и безраздельно отдавшего Себя Царству Божию и велениям Духа, Который самыми непостижимыми путями ведет нас к полноте Любви.

Санкт-Петербург, сентябрь 2010 г.

Мариано Хосе Седано Сьерра СМФ,

Советник UCESM (Союза Европейских Конференций Монашествующих)

I. Основания

1. Сексуальная революция

Целибат как принятая реальность

Нельзя сказать, что принципы целибата переживают кризис. Его библейская и богословская основа бесспорна. От Иисуса до наших дней традиция не прерывалась.

Проблемы, возникшие вокруг целибата священников, так остры как раз потому, что это вопрос не принципов, а церковной практики. Ясно, что не существует очевидной связи между служением и целибатов. Как только ставится вопрос о социокультурной модели священника, возникает и вопрос о целесообразности или нецелесообразности обязательного целибата.

Однако не это – тема наших размышлений. Мы исходим из целибата как принятой и обоснованной реальности. Кризис случается, когда человек, избравший целибат, оказывается в условиях, к которым не был подготовлен. Большинство из нас воспитаны для другого общества и для другой модели монашеской жизни.

Как прежде понималась сексуальность и межличностные отношения? На каких нравственных критериях покоилось целомудрие? Какое духовное содержание придавалось обе-

ту?

Вспомним это и сравним с ситуацией сексуальной революции, в которой мы живем последние десятилетия.

Оба подхода односторонни

Прежде «моральное поведение» путали с шестой заповедью. Все было совершенно точно определено: сексуальные отношения дозволялись исключительно в каноническом браке и для рождения детей; и поскольку в этой области всегда существовала материя для греха, необходимо было вплоть до последней детали уточнить, что законно, а что недопустимо. Кроме того, на сексуальной сфере лежало табу как на чем-то угрожающем и могучем, и подступиться к ней можно было только в «священной» атмосфере, в исповедальне.

А что же теперь? Первое, инстинктивное ощущение – это ощущение «половодья». О сексе говорится, как о чем-то в высшей степени нормальном: его чуть ли не афишируют. Не соблюдаются никакие нормы. Почему не получить удовольствие, если это никому не вредит? Существуют не только добрые, но и внебрачные связи. Молодежь встречается в атмосфере общей вседозволенности. Но и взрослые, от 40 до 55 лет, тоже, кажется, пустились во все тяжкие, стремясь испытать не пережитое в ранней юности.

Средства массовой информации систематически нападают на все ранее существовавшие социальные правила. Рас-

пространяются порнографическая литература и реклама с эротическим оттенком. Тот, кто в этой области не оказывается либеральным, почти дерзким, безнадежно отстал.

Оба подхода односторонни. Но они обнажают тот резкий контраст, который воспринимается нами на уровне моделей поведения.

Не так все просто

Подобные трактовки рискуют показаться старыми, схематичными моральными проповедями. Впрочем, понимание секса всегда было подвержено моральным оценкам. Если смотреть с этой точки зрения, то вывод таков: сексуальная революция – это знак деградирующего общества, одержимого необузданной страстью к наслаждению. Речь идет о некоей волне неоязычества, подобной многим другим в истории, против которой надо бороться всеми силами, и в первую очередь – с помощью безукоризненной верности «добрым обычаям».

Но так ли все просто? По-моему, сексуальная революция – это явление настолько значительное, что оно требует более тонкого прочтения.

Конечно, почти все схемы поведения рухнули. Гедонизм стал не просто общепринятой тенденцией, присущей разным человеческим группам. Можно утверждать, что он принадлежит самой ткани современной культуры; это философия жизни и цель экономической системы. Люди мыслят в тер-

минах немедленного счастья, а производство работает для удовлетворения все возрастающих потребностей в благополучии и комфорте.

И все же сексуальная революция несводима к гедонизму. Последний непосредственно связан с освобождением от обычаев. Но первая – гораздо более обширное и радикальное явление.

Сквозь призму эмансипации

В первую очередь, сексуальная революция предполагает процесс эмансипации человека.

Когда говорится об освободительном опыте веры или о том, что человеческая личность выше закона, каждый человек тотчас думает о пересмотре сексуальных норм. Достаточно иметь хоть небольшой опыт духовного сопровождения, чтобы признать, что первые попытки освобождения от «системы» были связаны с первыми чувственно-сексуальными приключениями. Почему?

В некоторых случаях преобладающая мотивация – это стремление к подлинному переживанию любви. Это инстинкт честной совести, которая судит, исходя из любви, и которую судить не может никто. Тем более в эпоху, когда понимание супружества вышло за пределы социальных условностей. Не следует ли считать достижением гуманизации то, что любовь и супружество больше не предопределены никакими институтами? Бесспорно, что в супружестве есть соци-

альная сторона, но оно не должно быть сведено к социо-юридическому заключению «брака».

В других случаях эмансипация посредством секса возникает из опыта неприсоединения. Когда мужчина или женщина, воспитанные в защитных моделях, желают обрести себя, то, естественно, у них возникает реакция на охранительные институты (Церковь, буржуазное общество и т. д.), и они создают собственное пространство для самоутверждения. Этим последним может быть политический радикализм. Очень часто – сексуальный либерализм. И даже если самоутверждение не доходит до крайних форм, кто из нас не помнит своего первого любопытства по отношению к сексу, столь связанного с первым ощущением свободы? Конечно, это двойственная свобода, но все же свобода.

К сожалению, секс стал символизировать культурную эмансипацию и социальную революцию. Но он стал символом именно потому, что раньше над ним тяготел мощный аффективный и идеологический груз. В. Райх в своей знаменитой книге «Сексуальная революция» говорил об этом уже в 1931 году.

Это была эпоха, когда безоговорочно верили в то, что ключом к освобождению человека является снятие сексуальных запретов. Теперь мы стали в этом отношении гораздо более критичными.

Перемена ролей

В сексуальной революции эмансипация затрагивает в основном женщину.

Кто-то может возразить, что никогда прежде ее так активно не использовали в качестве эротического объекта; что высочайшую цену за сексуальную вседозволенность платит женщина с ее восприимчивостью и чувствительностью; что мужчина строит человеческие отношения на насилии и т. д. И во всем этом много правды. Но все же мне представляется очевидным, с точки зрения общемировой перспективы, что одним из условий, которые делают возможным социальное равенство женщины, является перемена ролей в отношениях. Женщине уже незачем быть пассивной, или девственницей, или играть на двусмысленностях, или позволять защищать и завоевывать себя.

Тайна остается

Во-вторых, сексуальная революция включает в себя процесс десакрализации.

Сакрализация плодovitости почти всеми религиями – это антропологический факт. Библейская традиция – исключение. Яхве не имеет пола, а сексуальные отношения прямо не связаны с культом. Но все же брак, рождение детей, сексуальные отношения в некоторых обстоятельствах включаются в ритуальную символику чистого и нечистого. Вспомним о сакральном содержании языка, когда «чистотой» называлось сексуальное воздержание; это язык еще совсем недав-

него времени. Или о нормах моралистов: «Никаких прикосновений, потому что тело есть храм Святого Духа!»

Наука сняла табу с таинственных сил жизни, и мы теперь спокойно говорим о яйцеклетках и сперматозоидах, о генитальной фазе детства, контрацептивах и т. д. Секс, как и любая другая реальность, был подвергнут эмпирическому анализу. Какие следствия это породило в человеческом сознании? Те же, какие наука привнесла в религиозные идеологии: произошла объективизация реальности. Секс утратил свою «таинственность». Он уже не воспринимается с точки зрения «вины». Он стал практическим вопросом, тем, чем надо пользоваться разумно, определяя цели и средства; например, зачинать ли детей с помощью старого любовного ритуала или же с помощью лабораторных технологий.

Однако, несмотря ни на что, секс не дает полностью лишиться себя «тайны». Его можно исследовать; но переплетающиеся друг с другом тела говорят на своем собственном языке, на языке звезд, сияющих в ночи. Можно регулировать рождаемость, но любовь по-прежнему дает обещание вечности. Ученые подсчитывают частоту пульса влюбленного, ожидающего свидания, но спросите их, почему они покидают свой исследовательский институт и торопятся вернуться домой или встретиться с возлюбленной...

Мечта о немедленном счастье

В-третьих, сексуальная революция олицетворяет поворот

в человеческом ожидании счастья, поворот в ценностях этого мира.

В Европе этот поворот произошел уже давно. Он начался с возникновением капитализма и получил мощный толчок с «восстанием масс» (по выражению Ортеги-и-Гассета), то есть с постепенным развитием техники и повышением уровня жизни (комфорт) индустриальных обществ. Новое позитивное восприятие тела, человеческие отношения равенства, больше времени для досуга, сближение полов, демографический взрыв (преобладание молодежи в населении)...

Мечта о немедленном счастье является уже не продуктом голода и ненадежности жизни, а проектом, систематически планируемым государством и межнациональными корпорациями (общество потребления). Сексуальное наслаждение, бесконечно более доступное, чем в прежние эпохи, становится ее материальным воплощением.

Но есть еще и бессмысленность, тревога, скука, напряжение.

Никто не сомневается в насущности счастья здесь, а не только в ином мире. Но как возможна такая слепота и такой страх по отношению к последним и главнейшим вопросам страдания и смерти? Общество благополучия и сексуального потребления маскирует свою глубочайшую печаль.

Древние знали это и видели в сексе символ крайностей: экстаза и смерти, полноты жизни и снедающего страха.

Новые формы старых корней

В этой книге мы не раз столкнемся с амбивалентностью пола. С полом связано как наилучшее, так и наихудшее в человеке. Неудивительно, что человеческая история могла бы быть написана с точки зрения изменчивости сексуальных обычаев. Когда-то упадок империй приписывали пренебрежению к традициям и обычаям. Это еще одно упрощение со стороны историков. Но оно продолжает вдохновлять моралистов на критику.

Сейчас тоже так бывает. Люди жалуются на «упадок Запада», и луч надежды проглядывает в определенного рода реакционности (происходящей, как говорят, из Соединенных Штатов), заключающейся в строгости отношений между юношами и девушками. Представляется, что девственность вновь входит в моду.

На мой взгляд, нам не хватает более строгого анализа. Например, какой смысл может иметь кампания за соблюдение обычаев, если для этого нет предпосылок нравственного сознания? Нужно ли защищать наших верующих с помощью строгой казуистики, которая считается неприкосновенной, или нужно пересмотреть культурные предпосылки традиционных норм? Зависит ли верность христианскому смыслу сексуальности от буквального воспроизведения прошлого или от нового воспитания?

Конечно, наши нормы уходят корнями в традицию. Но она является не каким-то закрытым хранилищем, а Духом,

способным порождать новые формы в самых разных контекстах.

Целибат как залог эмансипации

Поэтому я считаю, что целибат актуален как никогда. Прежде всего, потому что он способен интегрировать самый положительный элемент сексуальной революции: процесс эмансипации.

Среди многих элементов, которые христианство внесло в дело освобождения человека, следует, без сомнения, отметить целибат: и потому, что он предполагает жизнь, не обусловленную естественными потребностями – половым влечением и продолжением рода, и потому, что он предполагает разрыв с матримониальными отношениями как основой, поддерживающей кровные связи и непроницаемость социальных интересов. Что предполагало во времена Римской империи или в высокое Средневековье существование группы людей, живущих в целомудрии, объединившихся, чтобы посвятить себя Богу и служению бедным?

Целибат внес особенно значительный вклад в освобождение женщины. Женщина вышла из гинекея¹. Она смогла стать независимой от опеки. Женские группы должны были

¹ Гинекей (или гинекейон) – в Древней Греции женская половина в задней части дома или на втором этаже, обычно состоявшая из спальни для хозяев и помещения для дочерей и рабынь. В поздний период в Римской империи и в Византии гинекеями называли ткацкие мастерские, в которых работали женщины и мужчины-рабы. – *Прим. ред.*

быть самодостаточны, а это подразумевает самосознание и собственную креативность.

Возьмем явно актуальный случай: изменения, которые претерпевает самосознание монахини. В Церкви, глубоко отмеченной печатью клерикализма, женщина, посвятившая жизнь Богу, – это первая ласточка в преобразовании пастырских структур и власти. То, что этот путь еще далеко не пройден, бесспорно; но уже за те несколько лет, что прошли с тех пор, как монахини вышли за пределы монастыря, все стало иным.

Критическая граница

Целибат более актуален, чем когда-либо, и потому, что цивилизация, которая обезличивает человека – или посредством технического прагматизма, или посредством потребительства ради благополучия, – нуждается больше всего в знаках этических ценностей и в знаках трансцендентного мира.

Совсем не всякая сексуальная свобода есть знак эмансипации. Наоборот, когда теряется нравственный смысл в этой области, возникают новые формы манипуляции, особенно манипуляции женщиной. Пол имеет отношение к самым корням человеческой личности, и, если его объективировать, происходит его деградация. Наш целибат должен быть знаком того, что пол – это положительная ценность в той мере, в какой он способствует персонализации, а значит, не может быть сведен к инстинкту или мимолетной встрече.

Целибат апеллирует, прежде всего, к высшим ценностям, являющимся основанием смысла любви. Если любовь переживается в зависимости от немедленного удовлетворения, какой вес имеет тогда супружеская жизнь? Целибат представляет собой критическую границу. Он превосходит пол, будучи непосредственно связан с ним. Отсюда его пророческий смысл в этом мире, стремящемся лишиться близость этического содержания. Целибату надлежит указывать и на нечто более высокое: личностную любовь Бога, Который, не обладая полом, захотел установить самое близкое общение (и единение) с человеком, будь то в сердце того, кто живет в целибате, будь то в безусловной взаимной отдаче супругов.

Эхо Средневековья

Это происходит при том условии, что мы готовы пересмотреть определенный образ проживания нашего целибата. Было бы лицемерием утверждать, что целибат – источник освобождения женщины, и оставлять неприкосновенными структуры, ставящие ее в зависимое положение.

Но смешно говорить о пророческом смысле целибата, если он не способен интегрировать антропологические размышления современного человека или по-прежнему замкнут в рамках средневековых устрашающих запретов.

2. Вызов смешанного мира

Революция стереотипов

Бросается в глаза, что отношения между мужчинами и женщинами в последние годы стали гораздо более открытыми. Между мужчинами и женщинами, живущими в celibate, а также между ними и обычными людьми в целом – тоже. Это явление может показаться поверхностным, однако оно имеет глубокий отзвук. Создаваемый нами собственный образ зависит от внешних отношений и, в немалой степени, от того, как мы ощущаем себя с людьми другого пола.

Женщины еще не настолько вовлечены в профессиональную деятельность, как следовало бы, однако мужчины и женщины в течение многих часов имеют дело друг с другом вне семьи: на работе, в местах проведения досуга... Совершенно нормально, что женатый мужчина в полдень идет выпить кофе со своей незамужней коллегой по работе. Или что священник и монахиня вместе разрабатывают программу приходской катехизации. Или что монах, недавно принесший обеты, отправляется в лагерь отдыха с воспитательницами своего возраста и с более молодыми юношами и девушками.

Язык и знаки приветствия свидетельствуют о новой стадии отношений. Разве мы не были воспитаны в духе осмотрительности и соблюдения дистанции? А теперь – поцелуи и объятия при встрече, недвусмысленное выражение чувств...

А главное, теперь можно гораздо более спонтанно говорить о себе самом, не прибегая к стереотипам, свойственным «роли».

«Нормальный» монах или даже монахиня должны, по общему мнению, быть мужчиной или женщиной прежде, чем кем-либо другим. А это выражается в человеческих отношениях: они естественны, а не ангелоподобны.

Прощание с клаузурой²

Что подразумевает существование этого смешанного мира с его бьющей через край витальностью и многозначностью переживаний и импульсов, которые он в нас (в мужчинах и женщинах, так часто сталкивающихся и общающихся друг с другом) сеет?

Без сомнения, разнообразие взаимных отношений. В Церкви до сих пор роли были четко определены. Монахи и монахини работали и жили за закрытыми дверьми. Если они выходили в мир, то только с разрешения и по вполне определенным поводам. Клазура соблюдалась строго.

Однако теперь священники и монахи вовлечены в одну и ту же пастырскую деятельность с совместными встречами. Монахини работают в области воспитания вместе с монахами и преподают рядом с женатыми мирянами. Можно даже

² Клазура (затвор) – правовая норма, регулирующая доступ в монастырь для посторонних и выход монахов за пределы монастыря. Клаузурой называется также территория монастыря, находящаяся под действием этой нормы. – Прим. ред.

принадлежать к разным кругам: к религиозной и приходской общине или же к группе неокатекумена. Взаимные связи обогащают, но и порождают проблемы всякого рода, в том числе эмоциональную. Как, впрочем, и между людьми, живущими в браке.

Мир демократизируется, побуждает нас преодолевать закрепленные положения и состояния, вызывает взаимный обмен функциями. Женщина учится и занимает должности, до сих пор доступные только мужчине. Монахиня перестала – во всяком случае внутренне – быть домработницей священника. Я говорю «внутренне», потому что фактически мы не предоставляем ей никакой важной роли, хотя и называем ее своей сотрудницей. Сознание равенства неотвратимо растет. Оно возрастает вместе с историческим сознанием нашего смешанного общества.

Все это связано с тем новым значением, которое приобретает «телесное» в человеческом общении. Либерализм жестов – только один аспект некоего более сложного и радикального процесса.

Например, у любого человека, живущего в celibate, сегодня есть самые разные друзья обоих полов, верующие или нет, миряне и посвященные. Однако дружба означает общение. А общение означает выражение себя. В какой степени? Вероятно, в самой разной. Однако близость между мужчиной и женщиной выражается при помощи языка нежности. А нежность – это та таинственная сфера, где внутреннее вы-

ражается телесно.

Сексуальная революция и смешанный мир создали новые языки, не только вербальные, но и телесные. Почти каждый день мы слышим: «Если мы друзья, почему я не могу выразить ему или ей мою нежность? Почему чувство единения, каким является дружба, не может выразить себя телесно?».

Люди перестали отрицать свое тело и подключили его к процессу общения. Последствия нетрудно себе представить. Но, пожалуй, не стоит торопиться и смотреть на эту проблему с точки зрения морали. Это лишь проявило бы наши собственные фантазмы и нерешенные проблемы.

Отторжение и защита

Какое отношение вызывает этот мир у нас, живущих в безбрачии?

У самых молодых, тех, кто родился и вырос в нем, вызывает отторжение реакция старших. Для них естественно переписываться с подругой юности или девушкой, с которой они познакомились в группе по катехизации. И почему бы, спрашивают они, не сходить в воскресенье вечером куда-нибудь, чтобы поболтать, выпить «кока-колы» и обсудить фильм, получивший последний «Оскар»? Им трудно понять наши возражения и то ощущение тревоги, с каким мы всегда воспринимаем отношения между мужчиной и женщиной. Простодушие ли это с их стороны? Или вторжение смешанного мира, отличного от нашего?

У нас же, воспитанных в «старой школе», сразу возникают механизмы защиты. Вот некоторые из них:

– мы скрываем наши бессознательные страхи за морализирующими рассуждениями. Будучи неспособны анализировать социокультурные перемены, мы говорим лишь о гедонизме и его опасности;

– мы становимся жертвами того мира, который больше не предоставляет нам привилегий. Мы жалуемся на его критический дух, не принимающий наш образ поведения.

Или же происходит обратное: мы усердно пытаемся понравиться и для этого воспроизводим даже принятый бесцеремонный стиль общения. Подобное подражание свидетельствует об отсутствии у нас реальной идентичности.

Наша неуверенность проявляется по-разному: монах выключает телевизор при показе эротических сцен, но это не мешает ему убивать перед ним многие часы; монахиня проводит летние каникулы с семьей в Коста-Брава, заботясь о цвете и качестве своей кожи.

Наше отношение к миру проявляется каждый день: когда молодая девушка приходит поговорить с нами, когда священник осенним вечером приглашает женщину-катехизатора побеседовать в уединенном месте, когда замужняя женщина жалуется на свои проблемы, когда женатый мужчина признается в любви монахине, с которой вместе работает, или когда просто нужно высказать свое мнение в смешанной группе.

«Роли» и секуляризация

Самым легким выходом всегда кажется возможность спрятаться за «роль». Мы знаем, как должен вести себя человек, живущий в celibate, особенно если он имеет статус, социально определяемый как «посвященный»: монах, священник. Однако мир беспощадно рушит всякое притязание на безопасность, предоставляемое «ролью». Сегодня нас ценят только за наши личные качества.

Такая внезапная перемена в восприятии вызвана многими причинами. Иногда мы приписываем ее антиклерикальным настроениям, господствующим в последние годы. На мой взгляд, корни этого явления лежат глубже. Происходит постепенный процесс секуляризации, который влечет за собой смещение ценностей, а значит, и изменение в отношениях. Секуляризация культуры и общества изменяет роли. Священник становится еще одним членом общества, а его служба – еще одной «работой».

Если люди настроены антиклерикально, это значит, что роль религии еще довольно значима. Если же нашим поведением перестают возмущаться, значит, мы больше не имеем никакого веса.

Плохо, что с каждым днем люди все меньше верят в то, что мы честно исполняем наш обет. Почему? Потому ли, что так легче оправдать собственные беспорядочные сексуальные отношения? Или же потому, что мы не являемся значи-

мым звеном этого столь сексуального мира?

Мы и наш «статус»

В сегодняшнем мире мы не можем быть действенным знаком Царства, если по-прежнему наше исполнение и проживание обета опирается на религиозный «статус». Как часто нас больше защищает наше положение, чем зрелость и готовность быть самими собой перед другими людьми! Мы были воспитаны в строгом целомудрии, нарушившем нашу способность общаться с другим полом.

Можем ли мы евангелизировать мир, если наше собственное равновесие чувств зависит от защитных систем вроде больших обителей и общинной жизни, организованной на основе строгой дисциплины?

Нам следует оправдывать наше состояние целомудрия качеством своей человеческой жизни (цельность чувств, зрелость отношений, свобода самоотдачи), а не религиозной идеологией, которая его поддерживает. В прошлые эпохи эта идеология распространялась на культуру всего общества. Теперь она подозрительна или, в лучшем случае, к ней относятся терпимо.

К истокам

То, что подобный вызов нас угнетает, неудивительно. Кем в этом случае является человек, живущий в целомудрии? И нет ли здесь опасности радикализма, изначально предназна-

ченного для меньшинства и никогда не осуществленного в истории?

Ответ требует расширения контекста. Должна ли Церковь продолжать опираться на людей, живущих в безбрачии? Нужно ли, чтобы религиозная жизнь была по-прежнему отмечена именно этим институциональным знаком? Не настал ли момент сделать посвященную Богу жизнь скорее пророческим знаком, чем религиозно-нравственным порядком большего совершенства? Не следует ли Церкви вернуться к собственным истокам, не боясь утратить социальное влияние, которым она пользуется благодаря своим институтам, и, будучи меньшинством, стать закваской этого секуляризованного, автономного и технократичного мира, не нуждающегося в Боге, но живущего в тревоге и ужасе перед бессмыслицей?

В период после II Ватиканского Собора произошло осознание того, что радикальная проблематика современного мира и требования Евангелия сходятся. Мирской гуманизм бросает нам вызов, ожидая целомудрия, дающего свободу, а Евангелие призывает к целомудрию истинно харизматическому, не рожденному страхом.

Путаница критериев

Это не мешает нам, избравшим путь целомудрия, реалистически смотреть на условия, в которых мы сегодня живем. Подобный реализм обусловлен и опытом прошлого, и требо-

ваниями современного мира, влияющего на наше поведение.

Мы не решаемся сказать это, но разве не настал момент это сделать? Проблема эмоций и сексуальности невероятно обострилась за последние 10–15 лет. Многие люди, избравшие посвященную Богу жизнь, в возрасте от 30 до 50 лет переживают это на собственном опыте. Статистических данных по этому вопросу не существует. Каждый решает его, как может: иногда обсуждая с ближайшим другом из своей конгрегации, иногда – с духовным наставником. В общине такое обсуждение происходит редко. Самые серьезные проблемы решают, прибегая к вышестоящему авторитету – епископу или провинциальному настоятелю. Но часто встречаются смешение и путаница критериев. Есть либеральные исповедники, которые упрощают вопрос, призывая отменить подавление сексуальности. Однако большинство судят с помощью привычных моральных схем. Где встретить человека, который поможет понять значение влюбленности 35-летнего священника в девушку 20 лет?.. Или состояние монахини, которая уже 10 лет живет в эмоциональной зависимости от подруги, с которой познакомилась в юном возрасте?

В современном мире влияние психоэмоциональной сферы затрагивает и наши общины. Я не говорю, что это нечто повсеместное и массовое. Но правда и то, что мы сталкиваемся с действительным отсутствием критериев. Критерии морального распознавания важны, но еще важнее – критерии психологической и духовной педагогики.

Настойчивый вызов мира

Вызов брошен нам смешанным миром – и как настойчиво! Но целомудрие ради Царства может быть таковым, только если провозгласит себя вызовом миру.

От нас требуют естественности и нормальности в отношениях между мужчиной и женщиной. Однако само наше существование в этом мире, создавшем культ наслаждения, кажется странным.

От нас требуют любви и целомудрия. Но раздражает то, что мы можем обходиться без половых отношений.

От нас хотят, чтобы мы были личностями прежде, чем монархствующими. Однако, слушая, как мы говорим об истории своей любви к Богу, люди испытывают досаду.

Не будем заблуждаться. Этот мир дышит сексуальностью. Люди говорят о человеческих ценностях, но отношения предопределены ролью мужчины и женщины во всех областях жизни. В работе – поскольку женщина ценна в той мере, в какой нравится или может соперничать. В отношениях – потому что важна игра влечений. Конечно, я не говорю, что так бывает всегда. Но как мы далеки от отношений, в которых пол не имеет существенного значения!

Действительно, живущий в целомудрии человек должен быть пророческим знаком; критическим знаком для мира, который, хотя и стремится к самоосвобождению, абсолютизирует пол; эсхатологическим знаком будущего челове-

чества, в котором человеческая личность обретет источник своей полноты за пределами пола – в Живом Боге и в любви Святого Духа.

Так жил Иисус, и этому Он учит нас.

3. Иисус

На чем основан наш выбор

Наш целибат имеет основание непосредственно в Иисусе. Разумеется, в человеческой истории существуют и другие мотивы, приводящие мужчин и женщин на путь безбрачия. Во многих случаях это религиозные соображения: исключительное посвящение себя проживанию опыта Бога и внутренней жизни, как, например, в буддийской традиции. Кроме того, это аскетическая традиция духовных учителей или философов, желающих, чтобы их словесное учение согласовывалось со стилем жизни. В иных случаях целибат может быть вызван мирскими причинами: посвящение себя изобретательству и научным исследованиям, независимость, необходимая для художественного творчества или политической борьбы, и т. д.

Помимо этого существует много незамужних и неженатых людей, которые не отказывались от брака, но внутренние или внешние обстоятельства вынудили их к жизни в безбрачии.

Поскольку мы приближаемся к первоисточнику нашего призвания, настало время спросить себя, на чем основан наш выбор. Одно дело – богословское оправдание, другое – прожитый опыт. Не для всех монашествующих, выбирающих «совершенное воздержание», главным мотивом является подражание Иисусу, хотя они и принадлежат к общинам,

источник которых – Евангелие.

Целомудрие настолько затрагивает всю личность, что распознать, насколько оно подлинно, – задача нелегкая. Где проходит граница между великодушием веры и сублимацией первой любви, пережитой в 19 лет? Чего на самом деле ищет монах, в 33 года посвящающий свою душу, тело и сердце служению бедным и отвергающий любовные притязания ближайшей помощницы?

Чтобы понять это, не стоит погружаться в анализ отдельных случаев; нужно постараться уловить весь процесс в целом. И здесь наш взгляд обращается к Иисусу, Начальнику и Совершителю нашего выбора.

Переворот

Когда Иисус появляется на Иордане, Он уже взрослый человек, который решил жить в celibate. Он слышал, как Иоанн Креститель, другой девственник, Его родственник, проповедует приближение Царства. И Он идет к Иоанну, чтобы принять крещение как знак полной самоотдачи Богу, знак Его власти в Своей жизни. В этот момент определяется Его призвание. Он принимает Святого Духа и осознает Свою исключительную принадлежность к эсхатологическому замыслу Бога. С этих пор Он посвящает Себя тому, чтобы спасительное присутствие Бога открывалось и возрастало среди людей.

Он начинает собирать вокруг Себя группу людей (Ин 1,

19–51; Мк 1, 1-32; 3, 13–19). Некоторые из них женаты, как, например, Петр. Другие – нет, как Иоанн, сын Зеведея. Они разделяют со своим Учителем все. Его образ жизни очень похож на образ жизни бродячих раввинов той эпохи: они ходили из деревни в деревню, уча и исцеляя. Новизна заключается в самой Вести. Иисус притязает на открытие новой эры – эры, ожидаемой Израилем. Он провозглашает условия, позволяющие войти в Царство, осуществляет переворот в восприятии образа Бога, совершает знаки, предвосхищающие будущий мир, ставит под сомнение действующий порядок вещей...

Одним из тех аспектов, где ясно видна новизна подхода, являются как раз Его отношения с женщинами. Их нет в числе Двенадцати, но они есть как ученицы среди людей, идущих за Иисусом (Лк 8, 1-14; Мк 15, 40–47). В отличие от иудеев, Иисус не считает неуместным назвать женщину «дочерью Авраама» (Лк 13, 26). В социально-религиозном контексте того времени возвращение женщине достоинства следует понимать как часть Его мессианской задачи, как Благою Весть и заступничество Бога за смиренных и заблудших. Пример тому – осуждение Иисусом прелюбодеяния в помыслах и утверждение нерасторжимости брака, что выходит за рамки иудейского законничества, предоставлявшего мужчине привилегированное положение (см. Мф 5, 27–32; Мк 10, 2-12).

В Иисусе Весть и бытие – одно. Нарушая иудейские нор-

мы, Он говорит один на один с женщиной и даже учит ее (Лк 10, 39; Ин 4, 27). Следовательно, Его целомудрие рождено не пророческим аскетизмом, как в случае Иоанна Крестителя, а самоотдачей любви (Лк 7, 18–50). Этот символ нежности и близости Бога Иисус привнес в Свои отношения с людьми.

Внимание многих психологов привлекала удивительная зрелость этого человека, столь сердечного и уважительного с женщинами, столь мало подверженного условностям и нормам культуры Его времени и столь сознательно проживающего Свое состояние безбрачия. Но почти никто не отметил, каков внутренний источник, из которого Иисус черпает Свою свободу: неповторимая близость с Богом, Которого Он звал «Авва», Который ночью брал Его от людей, а днем отдавал людям ради блага всех (Лк 4, 42; Мф 10, 35–38).

Иисус и Мария

Конечно, в жизни Иисуса была дружба с женщинами (Ин 11). Но, прежде всего, в ней была одна женщина – Дева Мария.

Начав свое общественное служение, Иисус отдаляется от Марии. Это разделение было мучительным. Она осталась одна в Назарете, может быть, принятая каким-нибудь родственником, Сын же должен был вступить на путь Своего призвания. Иногда родственники пытались приблизиться к Нему, привлеченные шедшей за Ним славой пророка. Казалось таким странным, что этот Сын скромного ремесленни-

ка говорит подобным образом и исцеляет людей! Кто-то попытался обратить внимание Иисуса на присутствие Матери, однако Он ясно дал понять, что порвал с кровными узами (Лк 8, 19–21).

Возможно, Лука придавал повторяемой им фразе «Мария слагала все это в сердце Своем» более богословское, чем психологическое, звучание. Однако она выражает один из секретов неповторимости отношений между Иисусом и Его Матерью. Он был плодом Ее чрева, но был зачат чудесным образом, после самой поразительной встречи в Ее жизни, в день, когда, уже будучи обручена с Иосифом, Она ощутила призыв к безусловному «да», к безоговорочному согласию веры. С тех пор Она жила только для Сына. Ее чистая и горячая женская любовь вся, без остатка, устремилась на Него. Ее жажда материнства проявилась с новой силой: Ее душа была охвачена огнем любви, жаркой и духовной одновременно. Один только Бог звучал в самой глубине Ее сердца, неожиданно расширившегося до неведомых горизонтов. Она почти ничего не понимала, только на опыте переживала кроткое доверие среди тьмы и неясности.

Им Обоим не нужны были слова, чтобы раствориться друг в друге. Иисусу достаточно было видеть, как Его родители каждый вечер читали «Шма Израэль»³, чтобы в Его сердце

³ «Шма Израэль» (евр. «Слушай, Израиль...», ср. начало 5-й главы библейской книги Второзаконие, перед перечислением Десяти заповедей) – одна из главных еврейских молитв, в которой в том числе исповедуется вера в Единого Бога (Яхве). – *Прим. ред.*

родилось отношение, определившее всю Его жизнь: послушание Господу Неба и земли. Он рос рядом со Своей Матерью в единении более тесном, нежели узы плоти и крови, в единстве исключительной любви к Живому Богу. Поэтому, хотя разрыв и был болезненным, Мария предпочла остаться на Своем скромном месте, когда Сын вступил на Свой окончательный путь. И в Кане, в начале пути, и в конце, на Голгофе, где Иисус должен был потребовать от Самого Себя последней жертвы и просить ее же у Матери, через принятие Его смерти, им не нужно было много слов, чтобы понять друг друга. Никогда они не были столь разделены и столь едины!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.